

Э. МАТТЕС
доктор исторических наук (Германия)

СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ И КРАЕВЕДЕНИЕ Биографические источники в изучении Новейшей истории

В результате Второй мировой войны произошла смена государственной принадлежности Восточной Пруссии, а вместе с этим была утрачена прежняя и стала создаваться совершенно новая документальная основа для изучения истории края. Это был переломный момент в процессе формирования нового исторического сознания населения региона. Осознается ли это и что из письменных источников принимается в качестве документов – зависит от отношения людей к ситуации. Региональная история – краеведение – выполняет здесь свою важную функцию.

История региона – это и история его людей, бывших и нынешних жителей. Чтобы ее реконструировать, как правило, недостаточно поработать только в русских или только немецких архивах. В том и другом случае картина событий останется неполной. Архивы в Калининграде и Байройте, Москве и Берлине являются сегодня частями одной исторической мозаики, пополнению которой способствует краеведение¹.

Воспоминания жительницы Кёнигсберга, высленной оттуда в 1948 г., должны проиллюстрировать это. Из них видно, сколь комплексный характер имеют документы (письменные свидетельства), касающиеся событий тех лет. Подробности личных воспоминаний выходят за пределы личной судьбы их автора и помогают выявить вопросы, исследованием которых и занимается краеведение.

Одна судьба

Анна Фаренхольц из Гармиш-Партенкирхена ответила на призыв газеты восточнопрусского землячества «Остпрройсен-блатт»² и 25 ноября 1952 г. прислала собственноручно записанные воспоминания в рабочую группу «Документирование

Документы и архивные материалы

изгнания из восточных земель» (Гамбург). Двумя годами раньше фрагменты этой рукописи уже были опубликованы³. Автор рассказывала о пережитом и прочувствованном в Кёнигсберге в последние месяцы войны и первые послевоенные годы. Оттуда она была депортирована в марте 1948 г. Поезд с переселенцами вез ее через Торн, Бромберг, окольными путями в Берлин и, наконец, в Пазевальк. Позднее она перебралась в Шлезвиг-Гольштейн, находившейся в британской зоне оккупации.

Воспоминания Анны Фаренхольц были одним из многих тысяч сообщений изгнанных, личные воспоминания которых собирали для обширного исследовательского проекта⁴. Цель этого проекта состояла в том, чтобы *«восполнить пробелы в комплексе исторических документов материалами, в которых [должна] отразиться судьба тысяч и миллионов [людей]»*⁵. Это было необходимо ввиду того, что хаос в состоянии дел на востоке немецких земель в конце войны сделал невозможной их позднейшую реконструкцию на основе служебной документации. Вместе с тем применительно к Новейшей истории это было освоение совершенно новой сферы исследований как с содержательной, так и с методологической точек зрения⁶.

Из сообщений, представленных в рабочую группу по документированию, особо выделялись воспоминания Анны Фаренхольц. Они представляют собой *«описание многих событий, складывающихся в наглядную картину положения дел в Кёнигсберге в 1945 – 48 гг.»*⁷ В соответствии с концепцией запланированной «Документации изгнания» для публикации были выбраны два отрывка⁸. В отношении всего текста редактор уже тогда высказал такое мнение: *«В любом случае следует настоящие воспоминания опубликовать отдельным изданием»*⁹. Однако до сих пор это не было сделано.

Оригинал воспоминаний Анны Фаренхольц находится сегодня в фонде «Восточная документация»¹⁰ Федерального архива Германии, в Архиве по компенсациям в Байройте¹¹. Там они включены во временной контекст комплексного фонда источников, возникшего в соответствии с концепцией

сбора воспоминаний очевидцев событий. Но это не все. Со сменой поколений изменились и расширились масштабы, суждения, оценки и постановка вопросов, бывшие фоном этих воспоминаний. Воспоминания Анны Фаренхольц показывают, что фонды «Восточной документации» с их богатой информацией по региональной истории Восточной Пруссии после 1945 г. следовало бы изучить заново и дать им, наряду с другими источниковыми фондами того времени, новую оценку.

Описание источника

Машинописная рукопись состоит из двух частей и делится хронологически на три отрезка. Воспоминания Анны Фаренхольц начинаются с событий января 1945 г. до капитуляции Кёнигсберга 9 апреля 1945 г.¹² Далее следует самая объемная часть – описание жизни в Кёнигсберге с начала лета 1945 по март 1948 г.¹³ Заключительная часть посвящена выселению в марте 1948 г.¹⁴ К тексту воспоминаний приложено рукописное письмо автора, которым она препровождала свой труд к господину фон Шпэт-Майкену¹⁵. Воспоминаниям предпослана рецензия редактора «Документации изгнания»¹⁶.

О самой Анне Фаренхольц в ее воспоминаниях информации мало¹⁷. Она жила в Кёнигсберге, в районе Марауенхоф, у Верхнего пруда, но свой точный адрес не указывает¹⁸. Там в сентябре 1947 г. она в последний раз навестила могилу мужа на приходском кладбище¹⁹. Через сестру, проживавшую в Берлине, она поддерживала контакт с тремя своими дочерьми. Младшие (12 и 17 лет) покинули город еще в ноябре 1944 г., старшая (20 лет) уехала в январе 1945 г. А сама она не смогла решиться на бегство. Из письма видно, что воспоминания были записаны еще в 1949 г., то есть через год после выселения из Восточной Пруссии.

Воспоминания Анны Фаренхольц отмечены выразительностью языка автора и наличием у нее художественных способностей. Ее язык легок, прост, не изобилует ошибками. В свете описанных событий напрашивается вывод, что ей удавалось держать себя в руках и в экстремальных, и даже в

Документы и архивные материалы

опасных ситуациях. Изложение основывается на точных наблюдениях и содержит множество деталей. Автор избегает преувеличений и прикрас.

Многие из наблюдений Анны Фаренхольц подтверждаются ее современниками и очевидцами событий. Некоторые детали восполняют пробелы, существующие в отношении раннего периода послевоенной истории. Так, она приводит первые русские названия улиц в Кёнигсберге, которые в результате переименований более позднего периода ушли в небытие²⁰, с трудом поддавались идентификации и даже не попали в список улиц Кёнигсберга, составленный Петером Вёрстером²¹.

Воспоминания Анны Фаренхольц носят произвольный характер и не отягощены ответственностью и связанной с нею необходимостью обширного фактического знания. Они отражают лишь обстоятельства той повседневной жизни, которую в те годы в Кёнигсберге вело большинство немцев. Именно поэтому они выделяются на фоне других воспоминаний, вошедших в «Восточную документацию». На передний план выдвигаются не лично пережитые несправедливости и перенесенные обиды, ужас унижений, оскорблений, изнасилований и убийств. Этот уровень тоже очерчен и правдоподобен. Но автору удалось много больше. Она смогла описать подробности, которые позволяют понять течение жизни в этот переходный период и, таким образом, почувствовать сложность взаимоотношений нового и старого населения региона. При этом она описывает и собственную жизнь, уделяя при этом внимание и своим впечатлениям от русских.

Сегодня воспоминания Анны Фаренхольц стоят в одном ряду с воспоминаниями русских, в которых события тех лет описаны так, как они происходили с их точки зрения²². При сравнении этих разноперспективных изображений русских и немецких авторов следует обратить внимание на моменты, которыми они отличаются друг от друга. Например, временем записи воспоминаний или обстоятельствами жизни, обусловившими повествование. И все же при всей осторожности в обращении с источниками такого рода в воспоминаниях

русских и немецких современников можно найти параллели и соответствия, которые дают импульсы к постановке новых вопросов.

Исторические события и «поколение переживших»

В этом контексте понятие «Erlebnisgeneration» – «поколение переживших» – получило в Германии широкое распространение. Оно подразумевает людей, которые жили в то время и могут свидетельствовать о том, что происходило. Сейчас стало возможным, используя воспоминания «поколения переживших» с обеих сторон, приподнять завесу тайны с первых послевоенных лет, скрывавшуюся и от русских, и от немцев в течение более полувека.

Это поднимает новые с точки зрения методологии вопросы и наводит на ретроспективное осмысление исходного пункта в начале 1950-х годов, когда в Германии была начата «Документация изгнания», и «перестройки» в Советском Союзе, когда Ю. Костяшов в 1988 г. начал осуществление проекта опроса переселенцев в Калининградскую область. В обоих случаях методологические вопросы ставились по-новому и осуществлялась попытка заложить основу для изучения и осмысления Новейшей истории. В обоих случаях отдельные людские судьбы становились исходным пунктом для постановки новых вопросов.

Понятие «поколение переживших» столь же размыто, сколь и выразительно. В Германии в кругах восточнонемецких земляческих организаций оно показало себя как удобное для использования и идеологически эффективное. Оно подчеркивает и возводит в ранг связующего признака само собой разумеющееся свидетельство людей одной возрастной группы в отношении одного региона или определенного события. В формировании общественного мнения в Федеративной Республике Германия этот признак монополизировался. Он не только подчеркивал то, что связывало изгнанных, но и исключал тех, кто не относился к очевидцам событий. Условие свидетельства как квалифицирующего признака исключило пред-

Документы и архивные материалы

ставителей другого поколения, другого национального или регионального происхождения.

В Калининграде такие установки тоже не новость. Ветераны войны с их особыми биографическими и историческими заслугами и общественной позицией тоже порой несвободны от такой точки зрения на более молодые поколения. Известный журналист газеты «Калининградская правда» Анатолий Дарьялов, которому в 1995 г. была поручена литературная обработка готовящейся к изданию (намеченному на апрель 1996 г.) рукописи «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев», калининградских историков, подготовивших этот труд, а также осуществлявших опрос очевидцев, охарактеризовал так²³: «Они слишком юные, чтобы правильно оценить эти события. Эти молодые люди в то время еще даже не родились, они не пережили того, что тогда происходило. Поэтому необходимо откорректировать сделанные в рукописи оценки и внести в нее некоторые дополнения». Свободный от этих исправлений и дополнений вариант книги вышел в России только в 2002 г. Первое издание в Калининграде было осуществлено издательством госуниверситета в 2003 г., через 12 лет после завершения рукописи²⁴.

И в Германии, и в России уже давно наблюдаются попытки преодоления этой точки зрения и поиска других путей изучения Новейшей истории. Особую роль здесь могут сыграть мемуары. Правда, их ценность для исторических исследований оспаривается, а их информационный потенциал большей частью недооценивается или принципиально ставится под сомнение²⁵. Воспоминания Анны Фаренхольц показывают, что такого рода письменное отражение истории с точки зрения методологии и содержания предлагает многообразные подходы, которые могут обогатить региональную историю.

*От субъективного источника - к постановке
объективных вопросов*

Воспоминания Анны Фаренхольц дополняются официальными документами в русских и немецких архивах. От их

значения для краеведческих исследований на различных уровнях нельзя просто отмахнуться. Из перспективы судьбы одного человека, из его личных переживаний и субъективных высказываний складываются вопросы, имеющие общее значение. Один и тот же документ можно использовать по-разному: в школе иначе, чем в университете; краеведом-любителем иначе, чем профессиональным историком. Воспоминания показывают, какие вопросы еще не ставились, где краеведение может выступить с новыми вопросами. Можно пояснить это на примере.

В последней части своих воспоминаний Анна Фаренхольц рассказывает о депортации, о выезде из Кёнигсберга. Эту судьбу она разделила с более чем 100 000 человек. Сам отъезд, исключая предваряющий его подготовительный этап, она описывает несколькими скупыми фразами:

«Во второй половине марта 1948 года заговорили о том, что [в Германию] снова отправляют эшелоны. Повсюду ходила милиция, переписывая население²⁶. <...> От беспокойства и опасений, что мы снова не попадем в число выезжающих, мы даже не могли спать. Немцев уже почти не было видно на улицах. В своих квартирах мы тоже не чувствовали себя в безопасности. Русские дети кидали камни в наши окна. На улице они преследовали нас, иногда пытались напасть. Особенно в вечернее время. Жизнь становилась все невыносимее. Приходили русские, намереваясь что-нибудь у нас купить, но у нас уже ничего не было на продажу. Русские сами удивлялись, что мы еще здесь²⁷. <...> В нашем эшелоне было приблизительно 42 вагона. Это были большие 50-тонные товарные вагоны. В каждом вагоне располагались 40 – 45 человек. В середине стояла железная печь. <...> О питании мы должны были позаботиться сами. В понедельник вечером поезд покинул Кёнигсберг»²⁸.

Эти краткие сведения уточняются официальными документами, касающимися выезда немцев в Германию. Сегодня они хранятся в архиве управления внутренних дел (УВД) в Калининграде²⁹. Это списки немцев, в 1947 и 1948 гг. высе-

Документы и архивные материалы

ленных из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии. В специальную картотеку внесены все выехавшие лица. Карточка³⁰ Анны Фаренхольц отсылает к эшелонному списку поезда, на котором она покидала Кёнигсберг³¹.

К эшелону №97305 был составлен список на 1661 персону. В эшелонном списке указано³², что все перечисленные лица проживали в городе Калининграде. Этот список содержит 726 одиноких лиц и 350 семей следующего состава:

Кол-во семей	Кол-во членов семьи	Кол-во человек всего
1	7	7
12	6	72
14	5	70
30	4	120
80	3	240
213	2	426

Итого: 350 935

Достаточную для выводов информацию дает возрастная структура депортированных, которую тоже можно установить на основе транспортного списка³³:

Год рождения	Возраст, лет	Кол-во человек
1860 – 1869	79 – 88	4
1870 – 1879	69 – 78	20
1880 – 1889	59 – 68	159
1890 – 1899	49 – 58	279
1900 – 1909	39 – 48	327
1910 – 1919	29 – 38	216
1920 – 1929	19 – 28	221
1930 – 1939	9 – 18	301
1939 – 1948	До 9	133

Итого:

1660

В большинстве своем депортированы были женщины и дети, с ними немногие, в основном старые, мужчины. Семьи состояли из бабушек-дедушек, внуков и их матерей.

Эшелонные списки изготавливались в трех экземплярах. Оригинал и первая копия сопровождали транспорт до станции назначения. Вторая копия оставалась в Калининграде. Во время нахождения в пути в оригинал записывались все происшествия (смерти, болезни, рождения и прочее), касавшиеся пассажиров. На месте назначения, в случае Анны Фаренхольц это был Пазевальк, выселенные регистрировались, а в оригинале списка делалась соответствующая пометка. Затем оригинал возвращался в Калининград. Первая копия оставалась у немецких служб. Сегодня они находятся в фондах Федерального архива.

Эшелон №97305 является, вероятно, одним из трех, относительно которых в архиве УВД в Калининграде хранится только третий экземпляр эшелонных списков. Оригинал сопроводительного документа с пометками о случившемся в пути находится в таких случаях в Москве³⁴. Относительно прочих эшелонов в архиве УВД имеется полный комплект (оригинал и третий экземпляр) сопроводительных документов.

До сих пор точное число эшелонов, отправленных в Германию, не установлено. О некоторых поездах вообще нет документов, о других в Калининграде просто нет данных³⁵.

Выселение немецкого населения в 1947 – 1948 гг. до сих пор не исследовано. Это относится и к мероприятиям, проведенным Советским Союзом, и к последствиям депортации для области³⁶, и к процессу расселения и интеграции депортированных в Германии и других странах Европы и за ее пределами.

Русские и немцы

Вопрос о совместном проживании русских и немцев в Восточной Пруссии является, по существу, новым. Полвека обе стороны в основном видели то, что их разделяло, а не то, что объединяло. Кто как не те, кого это непосредственно затронуло, могут разъяснить и то и другое, особенно то, как складывалось повседневное сосуществование русских и немцев? Точки зрения на этот вопрос столь же многообразны, сколь много и участвовавших в этом людей. Некоторые из тех,

Документы и архивные материалы

кто эти годы пережил и может поделиться воспоминаниями и дать свою оценку, пока еще живы. В то же время прошло уже достаточно лет, чтобы стали доступными и официальные документы о событиях той поры.

Сегодня предпринимаются попытки установить связь между этими двумя уровнями документов. Образцово это было сделано калининградскими историками, которые опрос русских очевидцев, их личные воспоминания дополнили официальными и публицистическими документами и методологически взвешенно связали их друг с другом³⁷.

Аналогичных исследований, основанных на немецких источниках, до сих пор не проводилось. Воспоминания Анны Фаренхольц дают хороший импульс к этому. Они открывают широкий спектр тем, например: продовольственное обеспечение немецкого населения, организация и обеспечение их трудовой занятости, медицинское обслуживание, отправление религиозных обрядов, индивидуальная свобода передвижения и ограничения, правовой статус немецкого населения вплоть до выселения, депортация, сопровождающие ее события и последствия для Калининграда, практические проблемы и проявления совместной жизни русских и немцев, правовой статус и политическая реакция на семейные русско-немецкие связи, ход заселения, учет и распределение жилья русскими, начало сельскохозяйственного производства, мероприятия гражданского управления и многие другие вопросы.

Сегодня эти вопросы могут быть исследованы на базе русских архивов³⁸. Но более того: индивидуальные и субъективные воспоминания Анны Фаренхольц стоят сегодня в одном ряду с воспоминаниями русских переселенцев. Поражает, сколь близки подчас эти воспоминания. Многочисленные параллели подводят к одному и тому же уровню восприятия и тем самым к общей для немцев и русских жизненной ситуации. Детальное изучение этой общей жизненной ситуации относят сегодня к задачам регионального краеведения.

Особенно интересен взгляд немцев и русских друг на друга. Что в воспоминаниях о другой стороне выдвигается на

передний план? На чем фиксируют свое внимание русские, вспоминая немцев, и немцы, вспоминая русских? Здесь особенно важен общий исходный пункт: личные переживания обеих сторон, ставших жертвами чудовищной разрушительной войны, имевших одни и те же проблемы, одни и те же надежды. В высказываниях русских переселенцев это отражено очень хорошо. И более ранние воспоминания Анны Фаренхольц тоже несут этот отпечаток.

Больше полувека спустя после окончания войны пришло время обратиться к этим деликатным вопросам. При этом Германия уже приобрела опыт обсуждения исходивших с ее территории, совершенных немцами преступлений. Эта земля – Калининградская область – хранит в себе могилы бесчисленного количества советских и немецких солдат. Здесь переплелись судьбы людей, в жизни которых случились великие несправедливости, их претерпели обе стороны, и инспирированы они были тоже с обеих сторон. Специально по Калининградской области эти вопросы никогда не ставились, не исследовались, на них не давались ответы. И краеведение может поспособствовать залечиванию все еще открытых ран обеих сторон. И для этого воспоминания Анны Фаренхольц могут быть подходящим исходным пунктом. Записанные еще в 1949 г., они демонстрируют попытку, невзирая на все преступления того времени, построить мост взаимопонимания между немцами и русскими.

Итог

Воспоминания Анны Фаренхольц поднимают вопросы, ответы на которые могут быть найдены в архивах Калининграда, Москвы или Байройта. Существует большое количество биографических источников. Извлечь их из неизвестности посредством отдельных публикаций и заставить их «заговорить» в русле современной постановки вопросов также является задачей краеведения.

Краеведение помогает восполнить обозначенный в начале статьи разрыв в историческом документировании и связать

Документы и архивные материалы

советский период с историей Восточной Пруссии до Второй мировой войны. Для этого оно должно обратиться к документам, имеющимся как в Германии, так и в Калининграде. Воспоминания Анны Фаренхольц являются их связующим звеном. Они побуждают калининградских краеведов привлекать для исследования исторических событий и немецкие источники. Они побуждают немецких исследователей истории региона пользоваться русскими архивными материалами в дополнение к доступным в Германии источникам.

Отрезок истории после 1945 г. в Калининградской области связывает судьбы русских и немцев. Осознание связующего и разделяющего является требованием времени. Краеведение предлагает хорошие возможности для сотрудничества в достижении этой цели. Для этого можно было бы использовать новые формы совместной работы, а именно: при осуществлении совместных проектов русские исследователи в большей степени должны работать с немецкими источниками, а немецкие исследователи систематически обрабатывать материалы из русских архивов. Такое разделение труда обогатило бы историю региона. Из воспоминаний Анны Фаренхольц видно, как в ее историческом сознании соприкасаются обе стороны – русские и немцы.

Перевод с нем. С.Е. Чекиной

¹ См.: Губин А.Б. Краеведение и государственные архивы // Калининградские архивы. Вып. 1. Калининград, 1998. С. 32-33. Автор разделяет высказанные А.Б. Губиным мысли и считает, что они в равной степени касаются архивных собраний за пределами Калининградской области.

² Das Ostpreußenblatt. 25.11.1952. Folge 33. S. 11.

³ Als Speicherarbeiterin in Königsberg [Я была работницей склада в Кёнигсберге] // Das Ostpreußenblatt. Probenummer März 1950. S. 8 – 10; Das Ostpreußenblatt. Folge 1. Jahrg. 1. 05.04.1950. S. 8 – 10.

⁴ См.: Beer M. Im Spannungsfeld von Politik und Zeitgeschichte. Das Großforschungsprojekt «Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa» // Vjh. f. Zeitgeschichte. 46 (1998) S. 345-389.

⁵ Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neisse (in der Reihe: Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa). Bonn, 1953. Bd. I / 1. S. I (далее – Dokumentation der Vertreibung).

⁶ См.: *Broszat M.* Massendokumentation als Methode zeitgeschichtlicher Forschung // *Vjh. f. Zeitgeschichte* 2 (1954) S. 202 – 213.

⁷ Bundesarchiv. Lastenausgleichsarchiv in Bayreuth. Ost-Dokumentation 2. Nr. 20. Fol. 147. Оценка редактора (далее – Ost-Dok.).

⁸ *Erlebnisse* und Zustände in Königsberg vom Januar 1945 bis nach Einnahme der Stadt durch die Russen im April 1945 // Dokumentation der Vertreibung. Bd. I / 1. S. 126 – 132. Nr. 29; *Ausweisung* aus Königsberg im März 1948 // Dokumentation der Vertreibung. Bd. I / 2. S. 860 – 862. Nr. 364.

⁹ Ost-Dok. 2. Nr. 20. Fol. 147.

¹⁰ «Восточная документация Федерального архива состоит из некоторого количества коллекций, своим возникновением обязанных, с одной стороны, собирательской активности Федерального архива, других научных институтов и рабочих групп, поддерживаемых организациями вынужденных переселенцев, с другой стороны, потребностям административных учреждений Федеративной Республики Германии. Она содержит документацию, представленную преимущественно сообщениями очевидцев событий, опросными листами, а также воспоминаниями чиновников или должностных лиц об обстоятельствах и событиях большей частью 1930 – 1947 гг. на территориях Германской империи к востоку от Одера и Нейсы, в районах компактного проживания немцев в Восточной и Южной Европе, а также в аннексированных или оккупированных Германией во время Второй мировой войны областях» (см.: *Das Bundesarchiv und seine Bestände*. 3. Aufl. Boppard, 1977. S. 713).

¹¹ Ost-Dok. 2 (Erlebnisberichte). Nr. 20. Fol. 147 – 184.

¹² Ebd. Fol. 149 – 156.

¹³ Ebd. Fol. 157 – 181.

¹⁴ Ebd. Fol. 181 – 184.

¹⁵ Ebd. Fol. 148.

¹⁶ Ebd. Fol. 147.

¹⁷ В картотеке «Ost-Dok. 2», содержащей данные по сообщениям очевидцев (Ost-Dok. 2), она значится как домохозяйка. В персональной карточке представлена следующая информация: семейное поло-

жение – вдова; девичья фамилия – Долигкайт; родилась 3 июля 1898 г. в Кёнигсберге в Пруссии; на 1 сентября 1939 г. проживала по адресу: Кёнигсберг, Доротеенштрассе 16; дата освобождения – 22 марта 1948 г.; время нахождения под арестом – «Кёнигсбергский массовый лагерь. 9.4.45 – 22.3.48»; место жительства в Федеративной Республике Германии: Гармиш-Партенкирхен. (Федеральный архив, Архив по компенсациям в Байройте, картотека родных мест проживания в Северо-Восточной Европе, отделение «Восточная Пруссия и Мемель». Номер хранения: 939159). Согласно справке службы картотеки родных мест в Штутгарте от 14 ноября 2003 г. госпожа Фаренхольц умерла 18 июня 1980 г. О дне отъезда см. прим. 29.

¹⁸ В книге «Einwohnerbuch Königsberg (Pr.) 1941» (S. 60) значится Фаренхольц Ханс, бухгалтер, ул. Доротеенштрассе 16. Вероятно, речь идет о супруге Анны Фаренхольц.

¹⁹ Приходское кладбище с крематорием находилось недалеко от ул. Доротеенштрассе, по другую сторону ул. Кранцер Аллее.

²⁰ Так, ул. Хагенштрассе, прежде чем стать ул. Карла Маркса, была ул. Торговой, а ул. Хинденбургштрассе русские поначалу называли ул. Большой Почтовой, а потом она стала ул. Космонавта Леонова. См.: Ost-Dok. 2. Nr. 20. Fol. 177.

²¹ *Wörster P., Sieber R.* Die Entwicklung der Stadt Königsberg/Pr. nach 1945. Deutsch-russisches und russisch-deutsches Straßennamenverzeichnis. Nachdruck der 2. verbesserten und ergänzten Auflage. Marburg, 1992. [Wissenschaftlicher Dienst für Ostmitteleuropa. Neue Folge. 12 (36) H. 1 / 2].

²² *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах.* СПб., 2002; 2-е изд., испр. и доп.: Калининград, 2003; *Als Russe in Ostpreußen. Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg / Kaliningrad nach 1945.* Hrsg. von Eckhard Matthes. Ostfildern, 1999; 2. Aufl.: 2002. Польское издание: *Przesiedleńcy opowiadają. Pierwsze lata Obwodu Kaliningradzkiego we wspomnieniach i dokumentach.* Olsztyn, 2000. (Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych. Nr. 192). В основу книги положены интервью, в полном объеме переданные на хранение в Государственный архив Калининградской области (ГАКО) (далее – Восточная Пруссия глазами советских переселенцев).

²³ Личная беседа автора с А.П. Дарьяловым 19 октября 1995 г. в его рабочем кабинете в здании комитета по делам архивов на ул. Комсомольской.

²⁴ См. прим. 22.

²⁵ Так, Р. Кибелка по методологическим причинам отказывается признавать высказывания и воспоминания очевидцев за исторические источники. См.: *Kibelka R. Ostpreußens Schicksalsjahre 1944 – 1948. 2. Aufl. Berlin, 2001. S. 14 – 15.* Но в тексте ее книги много ссылок на чужие мнения и цитаты из воспоминаний очевидцев, при этом она либо не называет источники, либо не подвергает названные источники достаточной критике. См.: *Ebd. S. 154, 162, 190* и др.

²⁶ *Ost-Dok. 2. Nr. 20. Fol. 181.*

²⁷ *Ebd. fol. 181 – 182.*

²⁸ *Ebd. fol. 183.*

²⁹ Эшелонные списки первоначально хранились в фондах ГАКО, который до 1961 г. подчинялся управлению внутренних дел (ГАКО. Ф. 407. Оп. 4. Д. 22): «Управление милиции МВД Калининградской области. Списки немцев, отправленных из гор. Калининграда и Калининградской области, апрель 1948 г., с эшелонами № 97303 и № 97306 в советскую зону оккупации Германии. Начато: 25 марта 1948. Окончено: апрель 1948 г., всего 248 листов». Согласно решению облисполкома № 808 от 23 декабря 1961 г. ГАКО был выведен из ведения управления внутренних дел и стал подчиняться облисполкому. При этом несколько архивных фондов было передано управлению внутренних дел, в том числе и эшелонные списки управления милиции. Кроме того, см.: ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 1281. Л. 37.

³⁰ Данные картотеки доступны в электронной форме.

³¹ Архив УВД. Ф. 48. Оп. 1. Д. 39. Л. 105 – 144 (список немцев, отправляемых из г. Калининграда 29 марта 1948 г. с эшелонами № 97305 в советскую зону оккупации Германии). Анна Фаренхольц значится на листе 107 под порядковым номером 123.

³² В списке отправляемых номер 1330 (Гельгар Маргарита, 1921) был вычеркнут еще до отъезда.

³³ Транспортные списки имеют шесть колонок, содержащих следующую информацию: 1. Порядковый номер; 2. Фамилия, имя; 3. Год рождения; 4. Количество членов семьи; 5. Место жительства [в Калининградской области]; 6. Примечания.

³⁴ Предположительно в архиве МВД и в Государственном архиве пограничных войск (Москва). Справка Елены Борисовны Тихоновой, данная в архиве УВД 17 октября 2003 г.

³⁵ Информация получена в архиве УВД от Елены Борисовны Тихоновой, 06.12.2001: в Калининграде находятся материалы, подтверждающие наличие «приблизительно 46 эшелонов».

³⁶ В фондах Центра хранения и изучения документов Новейшей истории Калининградской области (ЦХИДНИКО) имеются документы, отразившие дискуссии в партийных и советских органах разного уровня о бедственном положении, которое возникло на многих предприятиях из-за выселения немцев и потери вследствие этого столь нужных рабочих рук. В этой связи см. также аналогичные свидетельства в Государственном архиве Калининградской области (ГАКО).

³⁷ См.: Восточная Пруссия глазами советских переселенцев [прим. 22].

³⁸ Здесь, прежде всего, следует рекомендовать фонды калининградских архивов: Государственного архива Калининградской области (ГАКО), Центра хранения и изучения документов Новейшей истории Калининградской области (ЦХИДНИКО) и Архива управления МВД в Калининграде (Архив УВД). Из центральных архивов Российской Федерации первостепенное значение имеют прежде всего Государственный архив Российской Федерации в Москве (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории в Москве (РГАСПИ), Российский государственный архив экономики в Москве (РГАЭ), Российский государственный архив кинофотодокументов в Красногорске (РГАКФД), Российский государственный военный архив в Подольске (РГВА) и многочисленные государственные областные архивы. До сих пор не произведена критическая оценка наличествующих архивных документов, которые одновременно хранятся в архивах Калининграда и Российской Федерации.